

Т.М.Логвин, Минск

"Власть от века есть у слова..."

(философское осмысление жизни в поэзии
Арсения Тарковского и Максима Танка)

Арсений Тарковский и Максим Танк – две яркие звезды на поэтическом небосклоне славянской культуры. Обоим поэтам, родившимся в начале прошлого столетия, суждено было прожить долгую и нелегкую жизнь, стать свидетелями и участниками исторических событий эпохи. Каждый от природы был наделен недюжинным талантом и нравственной силой, помогавшей выстоять под натиском "судьбы скитальческой своей".

Арсений Александрович Тарковский (1907-1989) родился в семье, где все домашние преклонялись перед литературой и театром, а глава семьи писал стихи, рассказы, занимался переводами. Арсений увлекся поэзией с детства, но его первая книга вышла когда ему было уже пятьдесят пять лет. Богатое литературное наследие поэта ожидало своего часа и заслуженного признания. Сборники "Перед снегом", "Земле – земное", "Стихотворения", "Волшебные горы", "Зимний день", "Стихи разных лет", "От юности до старости", "Быть самим собой" и др. принесли ему мировую известность. Долгие годы вынужденного молчания не остудили поэтического вдохновения: *"Но за меня добро вставало против зла, / И правда за меня под крыльями умирала"* [4, с.93]. На собственном горестном опыте А.Тарковский узнал, что *"Пророческая власть поэта / Бессильна там, где в свой рассказ / По странной прихоти сюжета / Судьба живьем вгоняет нас"* [4, с.185]. В данном случае авторское рассуждение очень точно передает мучительный поиск ответа на вопросы: что истинно, а что ложно; в чем смысл бытия и созидания; где истоки добра и корни зла. Именно эти "вечные" вопросы волнуют поэта.

В основу всего творчества художника-реалиста положены действительные события, выстраданные жизненные наблюдения и впечатления, которые он выражает преимущественно в афористичной форме: *"...Тяжка моя сума: / Полпуда горя и ломоть недоли"* [4, с.53]. Лаконичные описания встречаются довольно часто, имеют философскую глубину и очень тонко раскрывают внутренний мир лирического героя, психологически точно передают нюансы его настроения и выразительно подчеркивают душевное состояние в какой-либо определенный момент: *"А эта жизнь – плакун-трава..."*, *"Пойдем в чужую сторону, / Да будет память близких с нами!"* [4, с.42], *"Все, что свято, все, что крылато, / Все, что пело мне: "Добрый путь!"* [4, с.47], *"...на мертвой пыли / Горит печать добра и зла"* [4, с.270], *"Вот так и мы с тобой живем - / Душа горит и тело тает"* [4, с.19], *"Смерть на все накладывает лапу"* [4, с.54], *"Спор да перекличка / Памяти с судьбою"* [4, с.97], *"Тяготит мне плечи /*

Бремя стольких лет" [4, с.112], *"На белом свете чуда нет, / Есть только ожиданье чуда"* [4, с.88].

В стихотворении "Слово" русский поэт констатирует: *"Власть от века есть у слова..."* [4, с.73]. Очевидна его действенная сила, не только не убывающая со временем, но все возрастающая при нравственном дефиците доброты и человечности в современном мире. Следует отметить "из феноменальных черт этого замечательного поэта то, что лирическую миниатюру <...> он умел насытить содержанием и протяжным ладом настоящего эпического полотна" [3, с.10].

Личность автора в реальной жизни и художественный образ в поэтическом мире – это всегда осознанное воплощение индивидуального нравственно-философского взгляда на бытие (микромир) и мироздание (макромир). Эта мысль близка поэтам одного поколения. *"Я человек, я посредине мира"* [4, с.158], - уверенно позиционирует себя лирический герой А.Тарковского. *"Быць чалавекам я рад. / Быць ім хацеў бы заўсёды"* [2, с.214], - откликается типичный герой белорусского поэта-философа Максима Танка.

Евгений Иванович Скурко (1912-1995) - классик современной белорусской литературы. Он родился в крестьянской семье православного вероисповедания. *"Тады звисала з плечаў торба згрэбная, / Чужыя літары вучыўся я складаць, / І ў школе, і ў жыцці быў непатрэбным я..."* , - напишет он в стихотворении "Якуоу Коласу" [1, с.357]. Первые книги поэта появились в тридцатые годы, в послевоенное время и позже вышли сборники стихов "У дарозе", "След бліскавіцы", "Хлеб мой надзённы", "Дарога, закалыханая жытам", "Нарочанские сосны", "Прайсці праз вернасць", "Збор калосся", "Мой каўчэг" и др.

Поэзия Максима Танка, по духу ярко самобытная, национальная, тесно связанная с жизнью белорусского народа, с его пониманием красоты, правды, добра, основана на этических и эстетических взглядах человека-труженика, крестьянина-хлебороба: *"Не давайце таму хлеба, / Хто не любіць роднай глебы, / Не арэ, не засявае / І век мазалёў не знае"* [1, с.285]. Эта этическая аксиома в других стихах сменяется метафорическим философским наблюдением: *"Праўда бывае часцей непрыгожая, / Недагледжанная, бегае басанож, / Гэта толькі крыўда вальможная / Блішчыць, як забойцы нож"* [1, с.322].

Поэт *"са сваёй навольнасцю сялянскай"* утверждает то, что интуитивно чувствует каждый человек, хоть на мгновение задумавшийся о своем участии в общем течении жизни: *"Я люблю людзей, якія вераць / <...> У бяссмерце сваёй роднай мовы, / У легенды ўсіх народаў свету, / У сяброўства, што злучае рукі..."* [1, с.322].

Лирический герой проживает свою жизнь с глубоким вниманием к окружающим людям и миру, любит жизнь, не сетует и не унывает: *"Не наракайце на непамыслоты ў жыцці, / На сцежкі, якімі бывае нялёгка ісці."*

/ Не скардзіцеся на свае мазалі і на пот, / Каб смерць не пачула, не вызваліла ад турбот" [1, с.331]. М. Танку свойственна особая наблюдательность, выражающаяся в пристальном внимании к художественной детали, в использовании смыслового рефрена. В этом плане показательным является стихотворение "Добра", в котором автор обращается к библейским заповедям: "Добра і адна кавенька, / Але каб была адмысловая, / <...> А з трох слоў / Хоць адно – нешта вартае, / <...> А з дзесяці біблейных грахоў хоць адзін грэх даруецца, / А з адзінаццаці варажбітоў / Хоць адзін – прарок-знаўца, / А з дванаццаці сяброў / Не дай, Божа, і аднаго / Хрыстапрадаўца" [1, с.347]. Он художественно-эмоционально пытается донести до сердца простые истины: оставайся собой всегда и везде, твори добро, не проходи мимо несправедливости, не продавай свои убеждения и не предавай доверившихся тебе людей. Поэт вникает во все проявления жизненной сути: "Ад гора –ўсё на свеце няміла, / Ад шчасця – час хутка мінае, / Ад хмелю – марнуюцца сілы, / Ад славы – сяброў убывае... / Вось тут і спыніся на нечым / У гэтым жыцці, чалавеча!" [1, с.315]. Универсальность его творчества неоспорима, поскольку в своем видении мира он поднимается до высоты мировых образцов искусства.

Между А.Тарковским и М.Танком гораздо больше общего, чем может показаться на первый взгляд, даже если отсутствуют непосредственные контактные связи. Едино духовные истоки, генезис, тематика, судьбы. Так, в творчестве обоих поэтов присутствуют элементы автобиографизма. У Тарковского: "Ходить меня учила мать..." [4, с.115]. Об этом думает и М.Танк: "Каб зрабіць першы крок, / Патрэбна нам / Рука маці" [1, с.117].

Наблюдается аналогия в описании жизненных и бытовых коллизий. В стихотворении "Жил-были" Тарковский подробно фиксирует семейную трагедию, вспоминая годы гражданской войны и свое "по-блаженному жалкое" детство: "...Брата старшего убили, / И отец уже ослеп, / <...> Жили, как в пустой могиле, / <...> И пекли крапивный хлеб. / Мать согнулась, постарела, / Поседела в сорок лет..." [4, с.285]. М.Танк вспоминает свою родословную: "І мой дзед Хведар - / Патрыярх роду, / Ратай, паляўнічы, / І бабка Ульяна - / Бяссонная вартаўніца / Дамашняга ачага і ладу, / І мой бацька Янук - / З сукаватымі на руках мазалямі / <...> І маці Домка - / Скручаная пякельнай працай..." [1, с.342].

Общность прожитой жизни видна в оценке лирическим героем своего происхождения, своих корней: "Взглянул я на руки свои / Внимательно, как на чужие: / Какие они корневые - / Из крепкой рабочей семьи" - А.Тарковский [4, с.193]. "А значыць, я не дарэмна / Насіў рабочага імя" – М.Танк [1, с.116].

Оба автора стремились найти ответы на философские вопросы о смысле жизни. А.Тарковский: "Огонь и трубы медные прошел, / Всю

землю взял, а снял так мало хлеба, / Все небо взял, - а что он взял от неба?
/ Каких-то звезд бессмысленный глагол. / Зол человек, несчастен, скуп и
зол..." [4, с.86]. М.Танк: "Я спытаў чалавека, / Які прайшоў праз агонь, / I
воды, / I медныя трубы: / - Што самае цяжкое / На гэтым свеце? / I ён
адказаў: / - Прайсці праз вернасць" [1, с.315]. Апеллируя к полной тяжелых
испытаний человеческой судьбе, каждый поэт ищет нравственную опору и
приходит к своему жизненному итогу.

В одинаковой степени волнуют их проблемы творчества и
предназначения поэта. В стихотворении "Надпись на книге" А.Тарковского
звучит признание: "Покинул я семью и теплый дом, / И седины я принял
ранний иней, / И гласом вопиющего в пустыне / Мой каждый стих звучал в
краю родном" [4, с.85]. М.Танк в стихотворении "Поэзия" удивляется: "А
ты аказалася большым: / Ты – кроў, што пульсуе па жылах, / Ты – сонца,
якое / Прасторы святлом азарыла, / I без чаго, як без маці / Або без
радзімы, / Ні нараджацца, ні жыць / На зямлі немагчыма!" [1, с.366].

Концептуальным для обоих авторов является признание единства
микро- и макромира: "Все на земле живет поручкой круговой: / Созвездье, и
земля, и человек, и птица. / А кто служил добру, летит вниз головой / В их
омут царственный и смерти не боится" – А.Тарковский [4, с.94]. "Усё
мае працяг жыцця: / <...> Зерне – у хлебе надзённым, / Любоў – у сонечнай
усмешцы дзіцяці. / Усё мае свой працяг жыцця, / Апроч няпраўды" –
М.Танк [1, с.338].

Гуманистическая направленность их напряженных художественных
поисков проявляется осязаемо и зримо в тяготении к философскому
созерцанию, к размышлению над "вечными" проблемами былого и
грядущего: "Я сделал для грядущего так мало, / Но только по грядущему
тоскую / И не желаю начать сначала: / Быть может, я работал не
впустую" – утверждает А.Тарковский [4, с.134]. М.Танк хочет успеть
"Прапець аб тым, што перажыў і бачыў, / што лёс наканавы мне ці
назначыў, / I нат аб тым, аб чым яшчэ не знаю, / А толькі вешчым сэрцам
прадчуваю" [1, с.402].

Предельная искренность авторской интонации слышится в стихах о
природе, потому что Тарковский никогда не остается равнодушным к
природному миру, все пропуская сквозь растревоженную душу и
беспокойное сердце: "Когда бы ко мне побежала тропинка, / Когда бы в
руке закачалась корзинка, / Не стал бы глядеть я на дом под горой, / Не
стал бы завидовать доле другой, / Не стал бы совсем возвращаться
домой" [4, с.27]. Белорусский поэт тоже абсолютно органичен в своем
единении с природой, отчего в памяти возникают отрадные воспоминания
детства, а душу переполняет чувство тихой радости: "Цені, расою
набракшы, згушчаюцца. / Можа, дамоў не вярнуся да рانیцы. / Можа,
зусім не прыйду. Застануся. / З ценямі дрэў назаўсёды зліюся" [1, с.227].

Стихи А.Тарковского о сыновней любви к матери-родине отличаются особенной доверительностью и эмоциональностью: *"Русь моя, Россия, дом, земля и мать! / <...> Для сердца сыновьего – негасимый свет. / Нет тебя прекрасней и желанней нет"* [4, с.66]. Эти строки проникнуты глубоко личными переживаниями. Именно в этой теме М.Танк отыскивает зёрна непреходящего, вечного, нравственного: *"О родная зямля! / Ты – книга вечнага жыцця / <...> I шчасця большага / Не знаю я, / Як быць запісаным / У тваёй вечнай кнізе"* [1, с.118]. Так может думать и чувствовать человек, бесконечно преданный отчему краю, земле отцов и дедов.

"Поэтическая философия" Арсения Тарковского и Максима Танка выросла и формировалась из веяний времени, из самой сути исторических и социально-бытовых реалий и воплотилась на почве тематической общности в национально идентичных художественных шедеврах.

Список литературы

1. Танк М. Мне пару крыл дало юнацтва... : Выбр. лірыка / Максім Танк; Уклад. В.Рагойшы. – Мн. – 2003. – 479 с.
2. Танк М. У дарозе. – Мн. – 1954 – 220 с.
3. Тарковский А.А. Благословенный свет: Избранные стихотворения. – СПб. – 1993. - 368 с.
4. Тарковский Арсений. Избранная лирика. – Ростов н/Д. – 1998. – 320 с.